

В таких, относительно недавно появившихся научных дисциплинах, как *кинесика* (изучение жестовых движений), *гаптика* (изучение осязательных коммуникаций), *окулесика* (изучение “языка взглядов”), накоплен уже значительный материал и сделаны определённые обобщения. Однако предметом специальных наблюдений в них были прежде всего *реальные* коммуникативные процессы, происходящие между реальными людьми. Жестовое и мимическое поведение литературных героев интересует исследователей лишь постольку, поскольку оно может иллюстрировать эти процессы. Между тем анализ телесного поведения *литературных персонажей* представляет собой особенно перспективную область научных исследований.

Если попытаться учесть весь комплекс жестов и движений, которые имеет в виду писатель, обрисовывая того или иного персонажа (изменения положения тела или его частей, перемену взгляда, выражения лица, покраснение/побледнение, изменение тембра голоса, интонации и пр.), то нетрудно заметить, что жестовое поведение литературных героев разительно отличается от поведения реальных людей. Писатель не в состоянии описать всю последовательность жестового поведения и передать на бумаге всё богатство мимики живого человека. В этом смысле наблюдатели реального процесса невербальной коммуникации (или теле-

Сергей ПУХАЧЁВ

Жест и мимика у Ф.М. Достоевского

зрители, воспринимающие экранизацию литературного произведения) находятся в преимущественном положении — для выводов у них может быть гораздо больше материала.

С другой стороны, в реальной жизни мы можем совершать движения, не имеющие коммуникативного значения, физиологически или ситуационно обусловленные. В литературном произведении такие движения, по определению, сводятся к минимуму. “Цена” движения возрастает. Самые, казалось бы, естествен-

ные жесты, с необходимостью вытекающие из предлагаемых обстоятельств, могут тем не менее нести дополнительный смысл, “участвовать” в характеристике персонажа.

Конечно, герой может войти в комнату только потому, что он должен там появиться. Но если он вбегает, или просовывает голову в дверь, или, как пишет И. Андроников в одном из своих рассказов: “Он как-то странно *впал* в комнату” — это уже психологическая характеристика героя, ситуации, стилистическая деталь и т.д. Обилие жестов, не несущих информации, то есть, по нашему определению, “бытовых” или “ситуативных”, свидетельствует о невнимании писателя к этому очень важному элементу своей изобразительной системы. Обилие жестовых фразеологизмов (согнуться в три погибели, смотреть свысока, носить на руках и т.п.) ограничивает реальную “телесность” литературных героев, “смазывает” их возможную кинеситическую уникальность.

Сергей Борисович ПУХАЧЁВ (1957) — преподаватель кафедры журналистики Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, ТО «Университет» (образовательные и молодёжные телепрограммы).

Вверху и на с. 22 — «Старуха-процентщица» и «Просветление Раскольниковова». Иллюстрация художника Эрнста Неизвестного к «Преступлению и наказанию». 1969 г. Иллюстрации из книги Н.Г. Гончаровой «Ф.М. Достоевский в зеркалах графики и критики (1848–1998)». М.: Совпадение, 2005. См. рецензию на с. 39.